

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 343.8

В.А. Уткин

РЕСОЦИАЛИЗАЦИЯ ОСВОБОЖДЕННЫХ ОТ НАКАЗАНИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Ресоциализация означает процесс освоения человеком позитивных социальных ролей и отношений, усвоения им определенной системы знаний, навыков и ценностей. В этом смысле «ресоциализация» – своего рода «возврат к социализации», то есть преодоление «дефектных» отношений, восстановление, формирование и развитие таких позитивных отношений личности, которые делают ее полноценным членом общества. Очевидно, что «ресоциализацией» можно именовать и целенаправленную деятельность, направленную на достижение указанного выше результата осужденным, освобожденным.

Ключевые слова: ресоциализация осужденных, цели наказания, исправление осужденных, освобождение от наказания, уголовно-исполнительное законодательство стран бывшего СССР.

Термин «ресоциализация», широко используемый в последнее время в науке и практике обращения с осужденными, по сути – производный от понятия «социализация». Под последней принято понимать процесс освоения человеком позитивных социальных ролей и отношений, усвоения им определенной системы знаний, навыков и ценностей. В этом смысле «ресоциализация» – своего рода «возврат к социализации», то есть преодоление «дефектных» отношений, восстановление, формирование и развитие таких позитивных отношений личности, которые делают ее полноценным членом общества. Очевидно, что «ресоциализацией» можно именовать и целенаправленную деятельность, направленную на достижение указанного выше результата осужденным, освобожденным.

Цельной концепции ресоциализации до сих пор не выработано не только в России, но и в других странах. В уголовно-исполнительной науке и практике применительно к осужденным и освобожденным нередко используются и иные сходные, но отличные от ресоциализации понятия: «исправление», «социальная реабилитация», «социальная адаптация» и т.д. Однако некритическое их использование вносит путаницу не только в теорию, но и в законодательство, и в итоге способствует постановке перед уголовно-исполнительной политикой нереалистичных и даже недостижимых задач.

Между тем для смешения этих понятий нет оснований. Как сказано выше (что, в общем, давно известно), ресоциализация в буквальном смысле означает восстановление позитивных социальных связей осужденного. Исправление также направлено на это, однако о единстве исправления и ресоциализации можно говорить лишь при непосредственном нахождении человека в общности, где он должен социализироваться. Понятно, что это возможно лишь при наказаниях, не связанных с изоляцией от общества. При лишении свободы исправление – лишь создание

субъективных (мотивационная сфера) и объективных (формирование внешних личностных качеств) предпосылок ресоциализации. Констатация противоречия между «идеальным осужденным» и «идеальным гражданином» давно уже стала общим местом в пенитенциарной науке. Столь же некорректно возлагать на труд осужденных в местах лишения свободы задачу «трудовой адаптации»: нельзя научиться плавать, не находясь в воде. Наконец, совершенно неприемлемым выглядит использование в этой связи понятия «социальная реабилитация». Сущность последней – восстановление несправедливо ущемленного правового и социального статуса, доброго имени, репутации. В этом значении о реабилитации справедливо говорится, в частности, в ст. 5 УПК РФ, в иных законодательных актах. Но о каком восстановлении доброго имени можно говорить применительно к осужденному преступнику?

На различном понимании исправления и ресоциализации при исполнении лишения свободы основываются и международные акты. Минимальные стандартные правила обращения с заключенными 1955 г. устанавливают, что «целью и оправданием приговора к тюремному заключению и вообще к лишению свободы является в конечном расчете защита общества и предотвращение угрожающих обществу преступлений. Этой цели можно добиться только в том случае, если по отбытии срока заключения и по возвращении к нормальной жизни в обществе правонарушитель оказывается не только готовым, но и способным подчиниться законодательству и обеспечивать свое существование (ст. 58). Вместе с тем важно, что «обязанности общества не прекращаются с освобождением заключенного. Поэтому необходимо иметь государственные или частные органы, способные проявлять действенную заботу об освобождаемых заключенных, борясь с предрассудками, жертвами которых они являются, и помогая им вновь включиться в жизнь общества (ст. 64)».

Европейские пенитенциарные (тюремные) правила, утвержденные в 2006 г. Комитетом министров Совета Европы, указывают, что условия содержания в местах лишения свободы должны предоставлять осужденным «возможность включения в полезные занятия и проведения для заключенных соответствующих программ с целью их подготовки к возвращению в общество». В соответствии со ст. 107 ЕТП «заблаговременно до их освобождения осужденным заключенным должно оказываться содействие в виде процедур и специальных программ, обеспечивающих переход от жизни в пенитенциарном учреждении к законопослушной жизни в обществе. При этом «пенитенциарные органы должны работать в тесном сотрудничестве со службами и ведомствами, осуществляющими надзор за освобожденным и заключенными и содействие им, с тем, чтобы позволить всем осужденным заключенным вернуться к жизни в обществе, особенно в том, что касается семейной жизни и работы».

С учетом сказанного очевидно, что при исполнении наказания в виде лишения свободы правильнее говорить не о непосредственной ресоциализации в указанном выше смысле, а о подготовке к ней, о создании ее объективных и субъективных предпосылок.

О совпадении процессов ресоциализации и исполнении наказания можно говорить лишь применительно к наказаниям без изоляции от общества. Единство ресоциализации и реализации альтернативных мер усматривается и из многих международных документов. Европейские правила общественных санкций и мер взыскания (приняты Комитетом министров Совета Европы 19 октября 1992 г.) отмечают, что «общественные наказания и меры должны применяться таким образом, чтобы быть в максимальной степени полезными правонарушителям, они должны способствовать личному и социальному росту наказуемого и воспитанию у него чувства необходимости адаптироваться к жизни в обществе (Правило 55)». В то же время, согласно Европейским правилам о пробации (приняты Комитетом Министров 20 января 2010 г.), социальная адаптация означает «оказание конструктивной планомерной помощи в возвращении осужденного в общество... после освобождения от отбывания лишения свободы». Эта деятельность должна быть направлена «на решение проблем осужденных, таких, как трудоустройство, место жительства, образование... чтобы сократить угрозу совершения нового преступления и нанесения серьезного ущерба (ст. 61 Правил)».

Уголовно-исполнительное законодательство государств, ранее входивших в состав СССР, не содержит термина «ресоциализация» как в отношении заключенных, так и применительно к осужденным без лишения свободы [1]. В этом отношении (хотя и не вполне адекватно), как правило, используется понятие «исправление» в качестве одной из целей наказания и уголовно-исполнительной практики

(ст. 8 УИК Республики Азербайджан, ст. 7 УИК Республики Беларусь, ст. 7 УИК Республики Казахстан, ст. 7 УИК Республики Молдова, ст. 9 УИК РФ, ст. 6 УИК Украины [1]). Некоторым исключением является законодательство Грузии и Эстонии. Закон Республики Грузия «О заключении под стражу» (2000 г.) определяет целью социальной службы в тюрьмах «помощь осужденным в сохранении и установлении с обществом оправданных в социальном, моральном и правовом отношении контактов, в решении личных и семейных проблем (ст. 57). Закон Эстонии «Об исполнении наказаний, связанных с изоляцией от общества», принятый также в 2000 г., в ст. 57 раскрывает цели социальной помощи. Это «оказание содействия заключенному в сохранении и создании существенных и позитивных в социальном отношении контактов за пределами тюрьмы, увеличение его способности к самостоятельной социальной адаптации и стимулирование его законопослушного поведения».

Как известно, советское законодательство в сфере исполнения уголовных наказаний именовалось «исправительно-трудовым». Такой подход, помимо прочего, не только служил средством идеологического обеспечения широкого «трудоиспользования» больших масс заключенных в многочисленных лагерях и колониях, но и создавал предпосылки для непосредственной постановки задачи продолжения «исправления трудом» и после освобождения. Не случайно поэтому соответствующие нормы закрепились в исправительно-трудовом законодательстве уже первых лет Советской власти, и органам НКВД – МВД принадлежала в этом не последняя роль. Хотя уже в тот период предполагалось их тесное взаимодействие с иными государственными органами, органами местного самоуправления, общественностью.

Исправительно-трудовой кодекс (ИТК) РСФСР 1924 г. содержал специальную статью (ст. 227) об организации помощи заключенным и освобожденным из мест лишения свободы и определял такие ее направления: а) оказание материальной помощи неимущим заключенным; б) оказание необходимой поддержки при возвращении на родину или на место постоянного жительства при освобождении из мест заключения; в) предоставление по освобождении из мест заключения жилых помещений и питания на льготных условиях; г) предоставление ссуд на приобретение рабочего инвентаря и оборудование необходимых предметов домашнего обихода; д) устройство мастерских и предприятий для применения труда бывших заключенных; е) подыскание им занятий; ж) оказание юридической и медицинской помощи; з) профессиональное и общеобразовательное из развитие.

Статья 228 ИТК РСФСР устанавливала, что «организация помощи освобожденным из мест заключения осуществляется ГУМЗ РСФСР и его местными органами на основе широкого участия в ней советских, профессиональных и партийных органов».

Наконец, ст. 229 гласила, что в целях планомерного оказания помощи бывшим заключенным в каждой губернии (области) организуется комитет помощи освобождаемым из мест заключения, который действует на основании специального Положения».

Такой нормативный акт был принят Главным управлением мест заключения НКВД РСФСР 24 января 1925 г. Он именовался «Положением о Всероссийском и губернских (областных, краевых) комитетах помощи содержащимся в местах заключения и освобождения из них [2]. В нем указывалось, что «Всероссийский и местные комитеты помощи имеют целью организацию всякого вида помощи освобожденным из мест заключения, а также содержащимся в них неимущим заключенным путем объединения государственных, профессиональных, кооперативных и политических учреждений и отдельных деятелей, желающих бороться с нуждой, ведущей к повторной преступности».

Интересны направления, по которым должны были действовать «комитеты помощи». В Положении указывалось, что для осуществления их целей комитеты помощи: а) образуют денежный и материальный фонд; б) оказывают помощь для поездок на родину или на место службы; в) устраивают общежития, столовые и ремесленно-производственные предприятия; г) объединяют освобожденных в артели, кооперативы и т.п.; д) оказывают содействие в организации амбулаторий, лечебниц, санаториев и т.п. учреждений; е) содействуют обузданию на льготных условиях рабочим инструментом и предметами домашнего обихода; ж) учреждают профессиональные и общеобразовательные школы и курсы; з) устраивают бюро юридической помощи; и) устраивают библиотеки, читальни, клубы, выставки, лекции, спектакли, концерты и т.п.; к) созывают конференции и съезды, издают труды и журналы по вопросам своей деятельности; л) приобретают, отчуждают имущество, заключают сделки...» Очевидно, что многие из таких направлений не потеряли их актуальности и поныне.

Предполагалось, что комитеты должны были располагать собственными средствами, которые складываются из:

- процента отчислений от чистой прибыли мест заключения;
- субсидий правительственных и общественных учреждений;
- пожертвований и отчислений отдельных граждан;
- доходов от своих предприятий, учреждений и специальных мероприятий...

В правление Всероссийского комитета должны были входить представители ВЦИК, НКЮ в лице помощника Прокурора Республики, НКВД, Наркомздрава, ВЦСПС, ГУМЗ НКВД РСФСР.

В 20-е годы прошлого века подобные комитеты помощи не получили широкого распространения на местах, и прежде всего – ввиду острого социально-экономического положения в стране и неразвитости хозяйственной деятельности исправительных учре-

ждений. Но опыт подобного нормотворчества сам по себе заслуживает пристального внимания в современных условиях.

Политическая линия на предупреждение рецидива путем продолжения «исправления трудом» и после отбытия наказания была реализована и в законодательстве более позднего периода. ИТК РСФСР 1971 г. содержал специальную Главу 18 «Помощь лицам, освобожденным от отбывания наказания». Особого внимания в этом отношении заслуживает ст. 104 ИТК «Трудовое и бытовое устройство лиц, освобожденных от отбывания наказания»: «Лица, освобожденные от отбывания наказания, должны быть обеспечены работой, по возможности с учетом имеющейся у них специальности, исполнительными комитетами местных советов народных депутатов не позднее пятнадцатидневного срока со дня обращения за содействием в трудоустройстве. В необходимых случаях лицам, освобожденным от наказания, предоставляется жилая площадь». При этом предписания исполнительных комитетов местных Советов народных депутатов о трудоустройстве освобожденных были обязательны для руководителей предприятий и организаций.

Несколько ранее, в 1965 г., Указом Президента Верховного Совета РСФСР было утверждено «Положение о наблюдательных комиссиях» [3]. К числу задач последних было отнесено также «оказание необходимой помощи в трудовом и бытовом устройстве лицам, освобожденным из мест лишения свободы, от ссылки и высылки, а также другим лицам, освобожденным от отбывания наказания».

В отличие от советского исправительно-трудового законодательства уголовно-исполнительное право постсоветских государств непосредственно не включает в свой предмет отношений постпенитенциарной социальной адаптации, ресоциализации освобожденных из мест лишения свободы. В этом плане характерно положение ст. 2 Уголовно-исполнительного кодекса РФ о том, что уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации, помимо прочего, устанавливает «порядок оказания помощи **освобождаемым** лицам (выделено мной. – В.У.)». Тем самым уголовно-исполнительный закон явно не включает в сферу своего регулирования помощь уже **освобожденным** осужденным, как это было присуще ранее действовавшему законодательству.

Аналогичные подходы отражены и в законодательстве таких постсоветских государств, как Республика Азербайджан (ст. 2 УИК), Республика Таджикистан (ст. 3 УИК). Уголовно-исполнительные кодексы других государств (ст. 2 УИК Молдовы, ст. 1 УИК Украины, ст. 2 УИК Казахстана [1] и др.), хотя и упоминают о социальной помощи лицам, освобожденным из мест лишения свободы, но лишь в самом общем, декларативном виде с использованием бланкетных (отсылочных) норм. В этом смысле характерной является ст. 182 УИК РФ, которая озаглавлена довольно обнадеживающе: «Права освобожденных осужденных на трудовое и бытовое уст-

ройство и другие виды социальной помощи». Понятно, что в ней имеются в виду все же не «освобожденные» (в стадии освобождения или подготовки к нему) и уже освобожденные, то есть покинувшие исправительное учреждение. Однако содержание этой статьи фактически сводится к декларации: «Осужденные, освобожденные от ареста или лишения свободы, имеют право на трудовое и бытовое устройство и получение других видов социальной помощи в соответствии с законодательством Российской Федерации и нормативными правовыми актами». Такого же подхода придерживается законодатель в Азербайджане (ст. 177 УИК), Беларуси (ст. 194 УИК), Казахстане (ст. 178 УИК), Таджикистане (ст. 212 УИК), Украине (ст. 157 УИК) [1]. В эстонском и грузинском законах об исполнении лишения свободы о правах в сфере социальной адаптации после освобождения не говорится вовсе. В УИК Молдавии (ст. 156) [1] добавляется (в сущности, ничего не значится) оговорка, что освобожденные «по возможности обеспечиваются работой с учетом общественных потребностей местных органов самоуправления».

В целом, можно с сожалением констатировать, что по сравнению с работой по подготовке к освобождению, проводимой в исправительных учреждениях, на общегосударственном уровне отношения по ресоциализации (социальной адаптации) лиц, освободившихся из мест заключения, пока законодательно не урегулированы. Конечно, нельзя сказать, что такая работа не проводится вовсе. Так, в соответствии с законом РФ от 19.04.1991 г. «О занятости населения в Российской Федерации» вопросы трудоустройства лиц, освобожденных из мест лишения свободы, входят в компетенцию федеральных и региональных органов исполнительной власти, а также соответствующих служб занятости.

Во многих регионах заключены соглашения о сотрудничестве между территориальными органами ФСИН России и органами Федеральной службы по труду и занятости, в которых определены права на трудоустройство лиц, освобожденных из мест лишения свободы, регулярно проводятся ярмарки вакансий с выездом в исправительные учреждения специалистов региональных центров занятости населения и представителей работодателей, действующее законодательство предусматривает квотирование рабочих мест для лиц, особо нуждающихся в социальной защите.

ФСИН России, ее территориальные органы в решении вопросов социальной адаптации взаимодействуют не только с органами исполнительной власти, но и с общественными организациями и религиозными объединениями. Поскольку основные трудности возникают при решении вопросов осужденных, не имеющих постоянного места жительства, большую помощь в решении трудового и бытового устройства данной категории осужденных оказывают центры социальной адаптации, организуемые местными органами самоуправления, исправительными,

религиозными организациями. В то же время на сегодня фактически нет специальных органов или служб, целенаправленно и комплексно занимающихся трудовым и бытовым устройством лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы. Между тем, например, в России ежегодно 50–60 тыс. чел. освобожденных нуждаются в трудовом и бытовом устройстве, из них 5–6 тыс. не имеют постоянного места жительства.

Рецидивная (повторная) преступность в течение трех лет после освобождения, по нашим данным, полученным по Сибири, составляет около 30 % после колоний строгого режима и свыше 50 % – после колоний общего режима [4, с. 28].

В законодательстве (как российском, так и иных постсоветских государств), в том числе в Жилищном и Трудовом кодексах не существует каких-либо особых правовых гарантий в части предоставления жилья и трудоустройства лиц, освобожденных из исправительных учреждений.

Как следствие этого, бытовая и трудовая неустроенность, слабые связи со средой и трудности их восстановления являются особенностью положения лиц этой категории. В процессе поиска работы и средств к существованию они более подвижны, чаще меняют место временного жительства и работы. Поэтому среди освобожденных, совершивших повторные преступления, значительную долю составляют лица, сменившие место жительства в течение года после освобождения, и без определенного места жительства.

Примерно каждый шестой из освобожденных из мест лишения свободы, несмотря на получение в учреждении необходимых документов (и прежде всего – паспорта), фактически «выпадает» из системы официальных отношений, не «легализуясь» по месту жительства и работы.

В общей сложности к трудностям, возникающим у осужденных после освобождения, можно отнести: ограничения в регистрации освобожденных в некоторых населенных пунктах; отсутствие у освобожденных возможности трудоустроиться по имеющейся специальности; нежелание некоторой части освобожденных работать после освобождения; существующие низкие заработки в исправительных колониях, не позволяющие создать резерв средств для жизни на свободе на первое время; неудовлетворительные отношения освободившихся с членами семьи и родственниками; отрицательное влияние антиобщественных связей на свободе; отсутствие жизненных планов у освободившихся на будущее; увеличение числа больных туберкулезом и иными тяжелыми инфекционными заболеваниями; отсутствие должного взаимодействия в этой деятельности с представителями администрации исправительного учреждения, правоохранительными структурами, органами социальной защиты населения, органами местного самоуправления общественными объединениями.

До сей поры в России, как и в других постсоветских странах, не определено, какой закон должен

все же определять порядок оказания помощи в трудовом и бытовом устройстве освобожденных из мест лишения свободы со стороны местных органов власти, предприятий, учреждений и организаций, в связи с чем создалась ситуация, когда освобожденный должен самостоятельно осуществлять свое трудовое и бытовое устройство на свободе, а все государственные структуры и органы местного самоуправления в лучшем случае содействуют ему в решении этих насущных проблем.

Некоторые ученые и практики предлагают включить соответствующие главы в уголовно-исполнительные кодексы, подобно тому, как это было в исправительно-трудовом законодательстве советского периода. Тем самым учреждениям и органам уголовно-исполнительной системы будет отведена главная роль в ресоциализации (постпенитенциарной адаптации) освобожденных от наказания. С таким подходом согласиться нельзя.

Во-первых, потому, что сама уголовно-исполнительная система не располагает для этого необходимыми силами и средствами, и даже территориально соответствующие учреждения и органы нередко не находятся в конкретных местах трудового и бытового устройства освобожденных.

Во-вторых, нужно иметь в виду, что современная уголовно-исполнительная политика в отличие от советской не предполагает и не требует какого-либо продолжения «исправления трудом» после освобождения. Наказание уже исполнено.

Более правильно, на наш взгляд, регулировать отношения в сфере постпенитенциарной ресоциализации (социальной адаптации) освобожденных не уголовно-исполнительным, а «социальным» законодательством или законодательством о социальной помощи. В России, например, согласно ст.ст. 71, 72 Конституции, такое законодательство, в отличие от уголовно-исполнительного, исключительно федерального, отнесено к совместному ведению Федерации и ее субъектов. Это дает принципиальную возможность законодательно установить минимальные стандарты такой социальной помощи на федеральном уровне, оставляя простор для регионального законотворчества с учетом местных особенностей.

Тем не менее российский законодатель относит к таким предложениям весьма настороженно (видимо, не в последнюю очередь ввиду организационно-финансовых соображений). Принятые в стране федеральные законы («О государственной помощи» от 17.07.1999 г. и «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации» от 10.12.1995 г.) не относят освобожденных из мест лишения свободы к уязвимым группам населения, имеющим право на получение специфической социальной помощи (см. ст. 6¹ ФЗ «О государственной социальной помощи»). Прямо не соотношен статус освобожденного и с категорией «трудовой жизненной ситуации», установленной в ст. 3 ФЗ «Об основах социального обслуживания населения в РФ».

В 2002–2005 гг. под эгидой Совета Федерации ФС РФ и ФСИН России были разработаны проекты специальных федеральных законов о постпенитенциарной адаптации освобожденных от наказания. Это проект Федерального закона «О социальной помощи освобожденным из мест лишения свободы» и «Основы законодательства Российской Федерации об оказании социальной помощи лицам, освобожденным от наказания в виде лишения свободы» (последнее название в силу отмеченных выше обстоятельств представляется более правильным). Указанные проекты предполагали урегулировать на законодательном (федеральном) уровне, в частности, нормативные основы такой социальной помощи (РФ и субъекты Федерации), ее принципы, права и обязанности освобожденных, основные направления социальной помощи, ее субъекты, их полномочия и аспекты взаимодействия. К сожалению, ни один из указанных проектов так и не стал законом.

Концепция развития уголовно-исполнительной системы России до 2020 г., утвержденная Распоряжением Правительства РФ от 14 октября 2010 г. № 1772-р, содержит подраздел «Обеспечение постпенитенциарной адаптации осужденных, предотвращение рецидива преступлений». Однако его содержание сводится к двум положениям: к информированию освобождающихся осужденных и проведению с ним занятий, а также к созданию в уголовно-исполнительной системе специальной «службы probation», что также сужает проблему социальной адаптации освобожденных до ведомственных рамок.

Однако примечательно, что практическая потребность решения этих проблем на местах привела к довольно активному региональному законотворчеству. Первым в этом отношении стал Закон Республики Башкортостан от 18 ноября 1997 г. «О социальной адаптации лиц, освобождаемых и освобожденных из учреждений, исполняющих уголовные наказания» [5]. Данный закон закрепил понятие, цели социальной адаптации, обязанности органов местного самоуправления Республики Башкортостан, работодателей, органов миграционной службы, а также ряд прав освобожденных из мест лишения свободы. Интересно, что, например, ст. 11 данного Закона устанавливает, что «лицо, освобожденное из учреждения, сохраняет право на имевшуюся у него к моменту осуждения жилплощадь, если иное не предусмотрено законодательством. Если жилая площадь, где он проживал, заселена в установленном порядке, ему в течение шести месяцев с момента обращения предоставляется другая жилая площадь». Наконец, за невыполнение руководителями организаций решений о социальной адаптации освобожденных данным Законом предусмотрена административная ответственность.

Впоследствии и многие иные субъекты РФ приняли свои законы, их разделы и программы, направленные на решение проблем социальной адаптации бывших заключенных. Укажем, к примеру, такие, как Закон Оренбургской области от 21.10.2009 г. «Об

осуществлении реабилитации и адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы»; ст. 17 Областного закона Новгородской области «О профилактике правонарушений в Новгородской области» от 12.07.2007 г.; ст. 17 закона Республики Татарстан от 13.10.2008 г. «О профилактике правонарушений в Республике Татарстан»; ст. 26 Закона Республики Калмыкия от 27.11.2008 г. «О профилактике правонарушений в Республике Калмыкия»; ст. 24 Закона Воронежской области от 10.12.2007 г. «О профилактике правонарушений в Воронежской области»; ст. 24 Закона Чеченской Республики от 15.06.2010 г. «О профилактике правонарушений в Чеченской Республике»; ст. 18 Закона Красноярского края от 02.11.2000 «О защите прав ребенка» и другие. Специальные программы социальной реабилитации (адаптации) освобожденных действуют также в Тамбовской, Вологодской, Архангельской, Белгородской, Свердловской, Нижегородской областях.

В перспективе необходимо не только обобщение опыта регионов и принятие отмеченных выше законов, но и четкий прогноз количества нуждающихся в помощи после освобождения, с учетом их социальных и иных характеристик (пол, возраст, трудоспособность, наличие профессии, жилья и т.д.). Он позволил бы определить необходимые федеральные и региональные бюджетные ассигнования на оказание социальной помощи этим лицам, привлечь средства иных государственных, общественных, частных организаций и физических лиц, сформировать фонды и открыть центры социальной адаптации для освобождаемых, нуждающихся в помещении в них, стимулировать и зарезервировать рабочие места как на предприятиях государственной, муниципальной, так и частной собственности, соответствующим образом ориентировать местные медицинские учреждения, подразделения социальной защиты населения, правоохранительные органы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Уголовно-исполнительные кодексы* / сост. А. Букалов. Донецк: Донецкий мемориал, 2004. 420 с.
2. *Бюллетень НКВД РСФСР*. 1925. 4 февраля. С. 31–33.
3. *Ведомости* Верховного Совета РСФСР. 1965. № 40. Ст. 990.
4. *Городнянская В.В.* Постпенитенциарный рецидив. М.: Юрлитинформ, 2012. 165 с.
5. *Преступление и наказание*. 1999. № 7. С. 54–55.

RESOCIALIZATION OF PERSONS RELEASED FROM PUNISHMENT: PAST AND PRESENT

Russian Journal of Criminal Law, 2014, no. 1(3), pp. 75–80.

Utkin Vladimir A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: utkin@ui.tsu.ru

Keywords: resocialization of convicts, purposes of punishment, correction of convicts, exemption from punishment, penal laws of the countries of the former USSR.

The term “resocialization” broadly used in the science and practice of prisoner treatment in recent years is in fact a derivative from the concept “socialization”. The latter means the process of human exploration of positive social roles and relations, learning of a certain system of knowledge, skills and values. In this sense, resocialization is a kind of “return to socialization”, that is overcoming the “defective” relationship, restoration, creation and development of positive relations by individuals which make them a full-fledged member of society. These individuals can be convicts or people released and resocialization becomes a purposeful activity in their case.

Neither Russia, nor other countries have an integrative concept of resocialization. Penitentiary science and practice in relation to prisoners and the released often use other notions different from re-socialization: “correction”, “social rehabilitation”, “social integration”, etc. However, their uncritical application is confusing not only in theory but also in legislation, which eventually results in unreal and unachievable tasks set before penal policy makers.

Meanwhile, there is no reason for mixing these concepts. As mentioned above (which, in general, has long been known), resocialization literally means restoring positive social relations of the convicted. Correction is meant to do the same, but it is similar to resocialization only when the person lives in the community s/he is to socialize. Clearly, this is possible only if the penalties are not associated with isolation from society. In detention facilities correction merely implies the creation of subjective (motivational sphere) and objective (formation of external personality traits) prerequisites of resocialization. The contradiction between the “ideal convicted” and the “ideal citizen” has long been common place in the penitentiary science. It is incorrect to treat convicts' labour in prison as “labour adaptation”: one cannot learn to swim out of water. Finally, the concept “social rehabilitation” seems totally unacceptable in this context. The essence of the former is the restoration of an unfairly disadvantaged legal and social status, good name, reputation. In this sense rehabilitation is correctly referred to in Article 5 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, as well as in other legislative acts. What sort of restoring the good name one can speak about in relation to a convicted criminal?

International acts are also based on different interpretations of correction and resocialization in the execution of imprisonment.

REFERENCES

1. *Ugolovno-ispolnitel'nye kodeksy* [Criminal procedure codes]. Donetsk, Donetsk memorial Publ., 2004. 420 p.
2. *Byulleten' NKVD RSFSR*, 04th February 1925, pp. 31–33.
3. *Vedomosti Verkhovnogo Soveta RSFSR*, 1965, no. 40, p. 990.
4. *Gorodnyanskaya V.V.* *Postpenitentsiarnyy retsidiv* [Post-penitentiary relapse]. Moscow, Yurлитinform Publ., 2012. 165 p.
5. *Prestuplenie i nakazanie*, 1999, no. 7, pp. 54–55.